

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ I–VIII вв.

© 2020 г. О.А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: olga.homiakova@gmail.com

Поступила в редакцию 22.01.2019 г.

Рассматриваются проблемы, связанные с характеристикой женских погребений Юго-Восточной Прибалтики в отсутствие антропологического источника. На материалах самбийско-натангийской и раннесредневековой культур пруссов выделяются археологические признаки социального пола (гендера), которые могут быть сопоставлены с данными погребений, для которых определения биологического пола и возраста возможны.

Ключевые слова: антропологический пол, социальный пол, гендер, женский убор, эпоха римских влияний, Великое переселение народов, раннее Средневековье, Прибалтика, самбийско-натангийская культура, раннесредневековая культура пруссов.

DOI: 10.31857/S086960630008255-9

Исследования материальной культуры древних обществ по данным погребальных памятников подразумевают как данные о качественном и количественном соотношении инвентаря, особенностях погребального обряда, так и сведения о личной и социальной идентичности, возрасте, половой принадлежности индивидуумов. Изучение социальной структуры, археологического убора народов Юго-Восточной Прибалтики – самбийско-натангийской культуры (другое название – культура Доллькайм-Коврово) I–V вв. и раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. – традиционно базируется на данных кремационных могильников. При этом количество антропологических определений на сегодняшний день минимально, и они касаются результатов современных работ на памятниках, изученных с начала 2000-х годов. Материалы могильников самбийско-натангийской культуры, тем не менее, более многочисленны. В. Новаковский проанализировал данные ок. 500 погребений с 15 могильников (Nowakowski, 1996. Taf. I–XV). В.И. Кулаков приводит сведения о 600 погребениях (Кулаков, 2003. С. 21, 274). При анализе женского археологического убора мною использованы материалы более 50 могильников, ок. 400 комплексов. Все эти данные получены в результате раскопок конца XIX – первой половины XX в., и костный материал из них отсутствует. На основании того, что антропологические

определения для таких погребений невозможны, периодически ставится вопрос, что их нельзя привлекать для реконструкции убора, хронологии, изучения аспектов, связанных с социальной стратификацией (см., например, Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 74; 2017. С. 675). Таким образом, для работы с материалами Прибалтики актуальна методика, которая позволяет найти общие критерии для работы с разнородными данными, полученными со времени первых археологических раскопок XIX в. до современности. Далее, при всей перспективности, антропологический источник имеет ряд ограничений. Антропологические определения, во-первых, не всегда являются надежными, в особенности это касается материалов кремаций (Kurila, 2009. Р. 157–158, там же литература; Jordan, 2009. Р. 101). Во-вторых, предоставляя информацию о биологическом поле и возрасте, они не дают возможности социальной интерпретации.

Существующие реконструкции социальной структуры самбийско-натангийской культуры не учитывают данных о социальном поле погребенных. Выделяемая в них структура не имеет четких критериев и, вероятно, частично отражает не вертикальную, а горизонтальную стратификацию, совпадая с половозрастными группами (Кулаков, 2005; Skvortzov, 2012). Четких интерпретаций не дает и использование исключительно антропологических

данных для характеристики социальной иерархии общества раннесредневековой культуры пруссов. Группы вертикальной стратификации, выделяемые исходя из археологических критериев, не находят никакой связи с полученными с помощью естественно-научных методов половозрастными группами (см. Казанский и др., 2017. С. 28–29; Казанский и др., 2018. С. 29–37). Обусловлено это тем, что количество и качество инвентаря в погребении диктуется социальной ролью, прямая взаимосвязь между данными археологии и биологии (соотношение количества погребального инвентаря и биологического возраста) отсутствует (см., например, Brather, 2004. S. 494–505; 2008. S. 262–263, Abb. 8–10).

В статье рассматриваются женские погребения самбийско-натангийской и раннесредневековой культуры пруссов. Для погребений без антропологического источника выделяются признаки социального пола (гендера), которые возможно определить при помощи археологических методов — корреляционного и кластерного анализа категорий инвентаря, с последующим сопоставлением с данными погребений, для которых определения биологического пола и возраста возможны¹.

Фемининная группа погребений самбийско-натангийской культуры и соседних культур Южной

¹ Половозрастная дифференциация отражает роль возрастных групп в пределах отдельных социумов — семейных коллективов. Социальный пол связан с ролью женщин и мужчин в обществе и играет особую роль при реконструкции социальной иерархии. В отличие от антропологического, имеющего два значения, гендер (“археологический пол”) предполагает разделение погребений между двумя противоположностями — фемининностью и маскулинностью, и имеет три значения — мужской, женский и нейтральный (дети, подростки, пожилые) (более подробно: Gosden, 1999. P. 141–151, там же литература; Brather, 2004. S. 505–506; Alberti, 2005. P. 107–120). О принципах выделения признаков “женских” и “мужских” комплексов по данным погребального инвентаря и понятию социального (“археологического”) пола, или гендера, более подробно можно узнать из других работ (Brather, 2008. S. 260–261, Abb. 7, там же литература; Trémeaud, 2017. P. 44, 47–55). Использование понятия социального пола необходимо и в изучении археологического убора центральноевропейских культур эпохи римских влияний и Великого переселения народов (напр., Tempelmann-Mączynska, 1989; Rasmussen, 2010; Banytė-Rowell et al., 2012. P. 192–220; Banytė-Rowell, 2014. P. 99–100, Tabl. 1–7, там же литература) — одного из главных предметов изучения социальной археологии. Убор является одним из отражений модели общества и уровня его развития, социальной роли индивида.

и Юго-Восточной Прибалтики I–V вв.² Группа женских погребений характеризуется большим количеством инвентаря, символизирующего фемининность. Маскулинные погребения резко выделяются наличием многочисленных элементов вооружения и снаряжения всадника, огнив, присутствием конских захоронений (Приложение).

“Чистыми” признаками женских погребений самбийско-натангийской культуры, начиная с рубежа центральноевропейских фаз B1³ и B2, могут считаться (рис. 1, 1): пряслице (1), две и более фибулы (5), стеклянные бусы (3), подвески и пронизи (4), браслеты (2) и детали головных уборов (23). Для стеклянных бус (3), подвесок и пронизей (4) играет роль их многочисленность, для браслетов — парность. Затем признаки, встречающиеся в составе нейтральной и маскулинной групп: янтарные бусы (7), кольца (9), предметы домашнего производства — кухонные ножи, шилья (13), элементы поясных наборов (8, 11, 14). Шейные гривны (6) также могут встречаться в составе как фемининной, так и маскулинной группы. На периферии располагаются признаки, характеризующие социальное положение. Роль в определении гендера имеют только детали шкатулок и ключи (22), в ряде европейских культур римского времени связанные с институтом “богатых семей” и являвшиеся материальным выражением статуса “хозяйки усадьбы”. По данным антропологии, погребения, содержавшие ключи и детали шкатулок, являются женскими в черняховской культуре (Gopkalo, 2011. P. 28) и в материалах вельбаркских памятников (например, Jaskanis, 1996. S. 32–33; Piertzak, 1997. S. 36). В состав инвентаря всех групп могут входить монеты (10), янтарь-сырец (19), предметы туалета (21). Не играют роли в определении социального пола булавки (18) как довольно редкий

² Проанализированы данные 398 погребений с 53 могильников самбийско-натангийской культуры (каталог см.: Хомякова, 2012а). В связи с ограниченным объемом в статье приводятся только данные диаграмм; таблицы взаимовстречаемости признаков в комплексах будут представлены в расширенной публикации, посвященной женскому убору Юго-Восточной Прибалтики.

³ Абсолютные даты приводимых в статье периодов (подробно см. Хомякова, 2012б. С. 255–257. Рис. 1), около: A3/B1 (0–50 гг.), B2 (70/80–150 гг.), B2/C1 (150–200/225), C1 (200/225–250 гг.), C2 (250/250–310/320 гг.), C3 (310/320–375 гг.), D1 (350/360–375/400 гг.), D2 (375/400–430 гг.), D3/E1 (450–520 гг.), E (520–650/675 гг.), F (650/675–750 гг.).

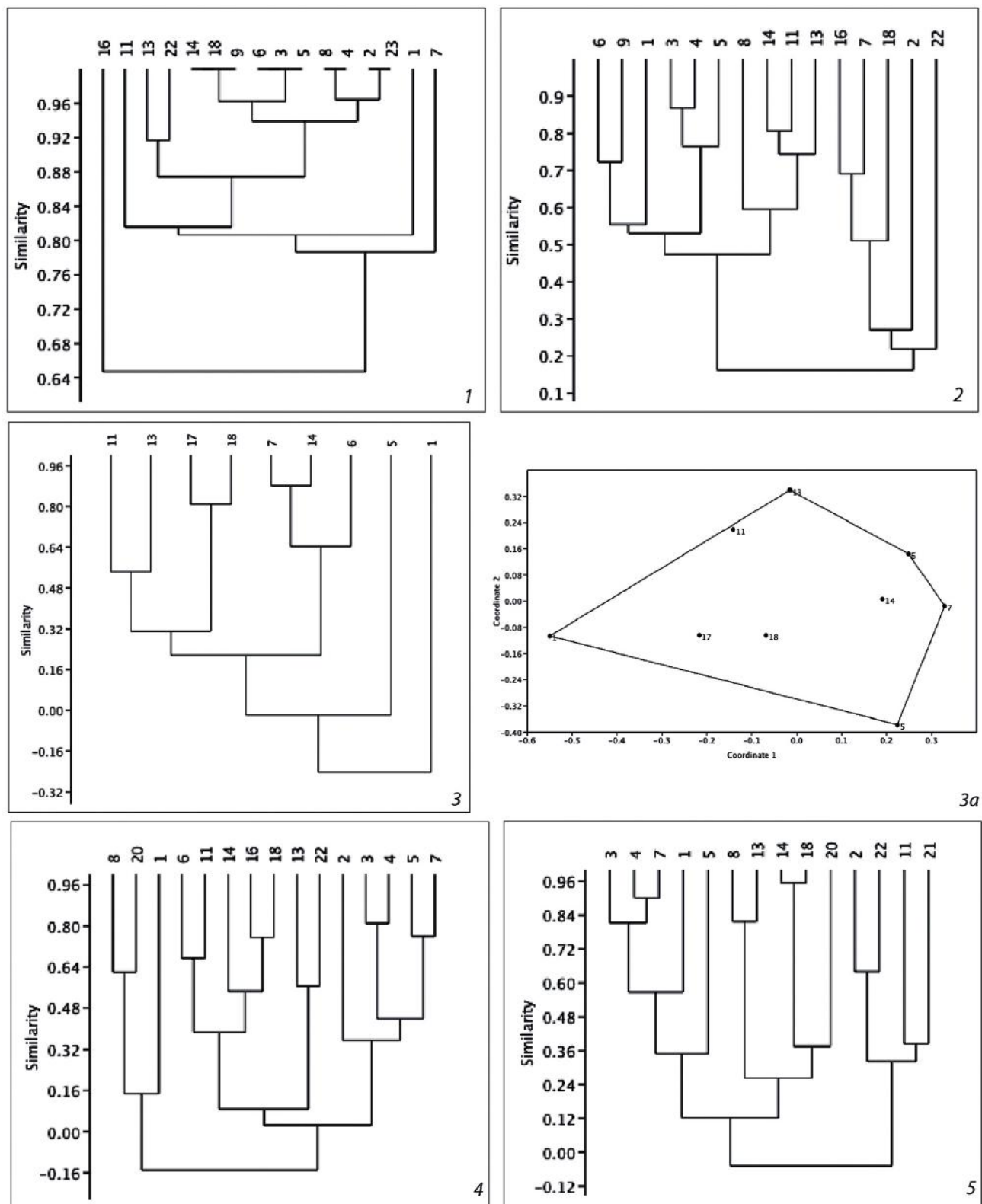

Рис. 1. Признаки фемининных погребений (список см. приложение): 1–2 – самбийско-натангийская культура (1 – эпоха римских влияний, конец I – начало/середина IV в.; 2 – эпоха Великого переселения народов, конец IV–V в.); 3, 3a – раннесредневековая культура пруссов, начало VI–VIII в.; 4 – судавская культура, I–V вв.; 5 – вельбаркская культура, I–IV в.

Fig. 1. Markers of feminine burials (see the Appendix for a list)

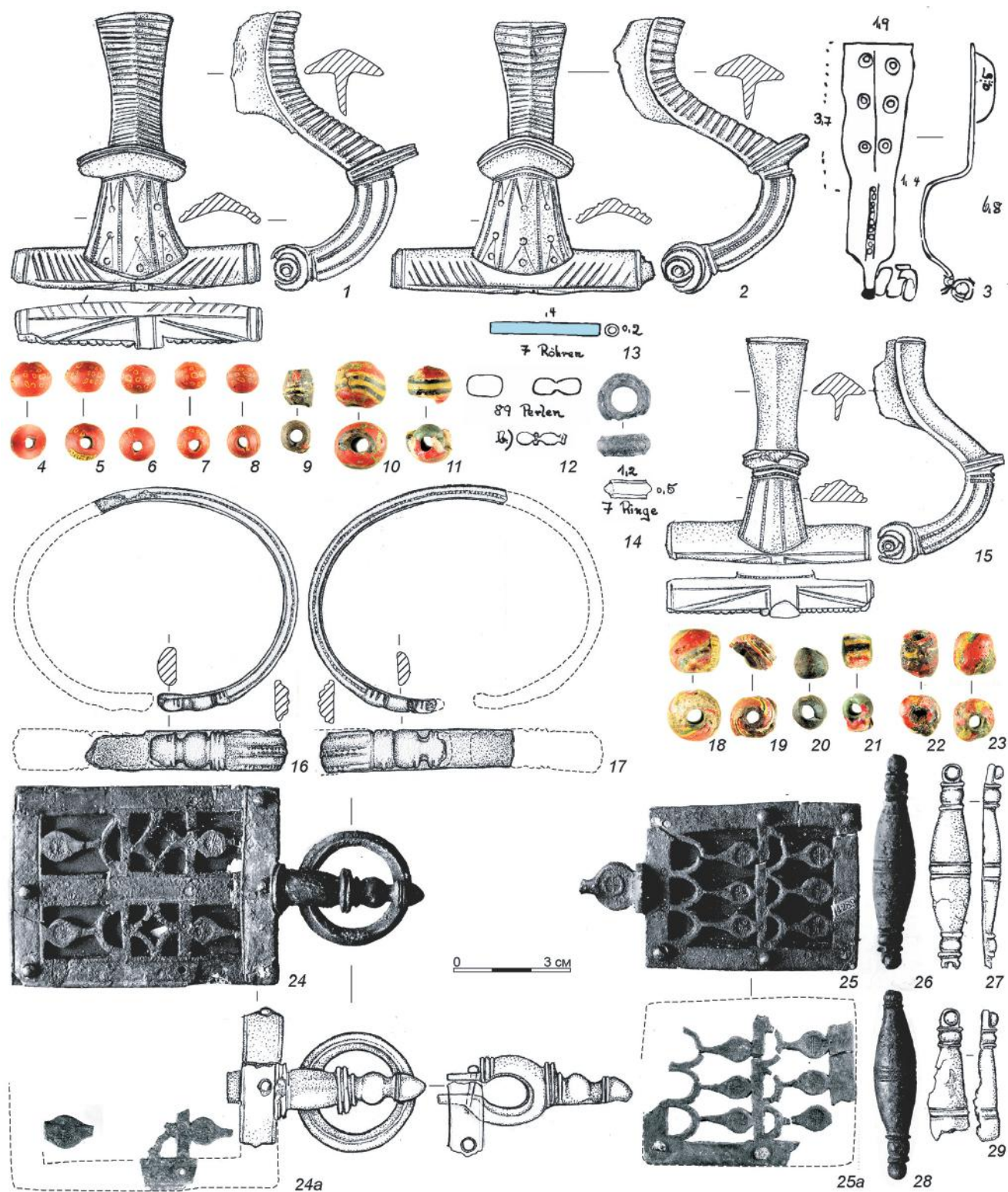

Рис. 2. Путилово/Corjeiten, погребение 15 (1–2, 4–11, 14–23, 24a, 25a, 27, 29 – рис. и фото О. Хомяковой по фондам SMB-РК MVF, 3, 12–14, 24–26, 28 – по архиву Г. Янкуна в прорисовке Р. Гренца).

Fig. 2. Putilovo/Corjeiten, burial 15

элемент. При отнесении булавок к фемининной группе играет роль их совстречаемость с деталями ожерелий и (редко) парность.

Набор инвентаря, включающий глиняные пряслица, небольшие железные ножи, обилие бус и подвесок, несколько фибул (в том

числе парные), устойчиво выделяется как “женский” при характеристике погребальных древностей самбийско-натангийской культуры с начала ее изучения (Tischler, 1879. S. 224–225; Tempelmann-Mączynska, 1983. P. 3–4; 1989. S. 12). Традиционно пряслица связываются с женским гендером. Обычай символического отображения фемининности при помощи предметов, связанных с прядением и ткачеством, в погребениях с раннего железного века известен у римлян, где они символизировали роль женщины-жены и хозяйки (Pasztókai-Szeöke, 2011. P. 125–141, там же литература). Пряслица рассматриваются как маркер женского пола в материалах центрально- и восточноевропейских варварских культур (Gopkalo, 2011. P. 68; Jaskanis, 2013. P. 215–216; Banytė-Rowell, 2014. P. 130–132; Магомедов, 2015. С. 8–9, 59). По немногочисленным данным антропологии, пряслица являлись принадлежностью женских погребений и в самбийско-натангийской культуре (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 78; 2017. С. 41). Погребения с пряслицами составляют основу фемининной группы эпохи римских влияний, их количество — около 30%.

Фемининность погребения за пределами группы с пряслицами определяется сочетанием двух и более фибул (5), браслетов (2), деталей головных уборов (23), многочисленных стеклянных бус (3) и элементов ожерелий (4).

Особняком находится группа погребений фаз В2 и В2/С1 с “самбийскими” поясами (Хомякова, 2016). Помимо перечисленных признаков эти погребения характеризуют многочисленные детали ременных гарнитур (8) (рис. 2).

К фемининной группе относится и часть нейтральных погребений⁴. В центрально-европейских погребальных памятниках антропологически такие погребения, в основном, принадлежали детям и подросткам (*infans I–II*) (Webb, 2011. P. 8–9; Natuniewicz-Sekuła, Skóra, 2016. P. 43–79). Исследования, посвященные статусу детей в I тыс. н.э. в культурах Прибалтики, показывают, что археологически дети в большей степени связаны с женским социальным полом (так как ребенок, независимо

от его пола, связан с матерью) (Kurila L. 2007; 2009).

Фемининность нейтральных погребений во всех хронологических горизонтах определяется отсутствием предметов вооружения и иных признаков маскулинности, поясов (8, 11, 14). В них присутствуют парные фибулы (5), ожерелья из бус и подвесок (3, 4). Их может характеризовать совстречаемость единичных фибул, браслетов, деталей ожерелий, предметов домашнего производства (небольших кухонных ножей). Фемининно-нейтральные погребения могут содержать пряслица (1). Указанный набор признаков близок инвентарю детских погребений вельбаркской культуры (Jaskanis, 1996. S. 13–20, Taf. II, 9; III, 17; IV, 13; V, 26; Natuniewicz-Sekuła, Skóra, 2016. P. 56). Единичные антропологические определения самбийско-натангийских погребений фемининно-нейтральной группы также указывают на то, что они принадлежат группам *infans I–II* (Мастыкова и др., 2017. С. 43).

В “женских” погребениях могут встречаться и маскулинные признаки. Наряду с “женскими” признаками в них могут присутствовать и “мужские” (вооружение) (см. Tempelmann-Mączynska, 1983. P. 4). Такие погребения составляют всего около 3% от общего числа. Известны как погребения с многочисленными предметами вооружения, в которых пряслица является единственным “женским” признаком, так и содержащие “женский” набор инвентаря с единичными предметами вооружения или снаряжения всадника (рис. 3).

Материалы погребений с соседних территорий западнобалтского круга демонстрируют несколько иную картину (рис. 1, 4). По данным погребений с антропологическими определениями могильников Нетта и Швайцария (Bitner-Wróblewska, 2007; Jaskanis, 2013), центральным признаком фемининной группы погребений также являются пряслица (1). Но наибольшую близость они находят с деталями поясов (8) и нагрудными украшениями (20). Эти признаки и объединяют в единую группу два типа погребений: с “чистыми” признаками: единичными браслетами (2), стеклянными (3) и янтарными (7) бусами и подвесками (4), одной-двумя фибулами (5); и более нейтральными — редкими гривнами (6), деталями поясов — наконечниками ремней (11) и пряжками (14), булавами (18). Главный акцент здесь приходится на богатые нагрудные украшения и большое количество

⁴ В группе нейтральных погребений также содержатся не имеющие четких признаков социального пола, занимающие промежуточное положение между женским и мужским археологическим полом, и погребения с признаками мужского гендера. Данные комплексы не рассматриваются в данной статье.

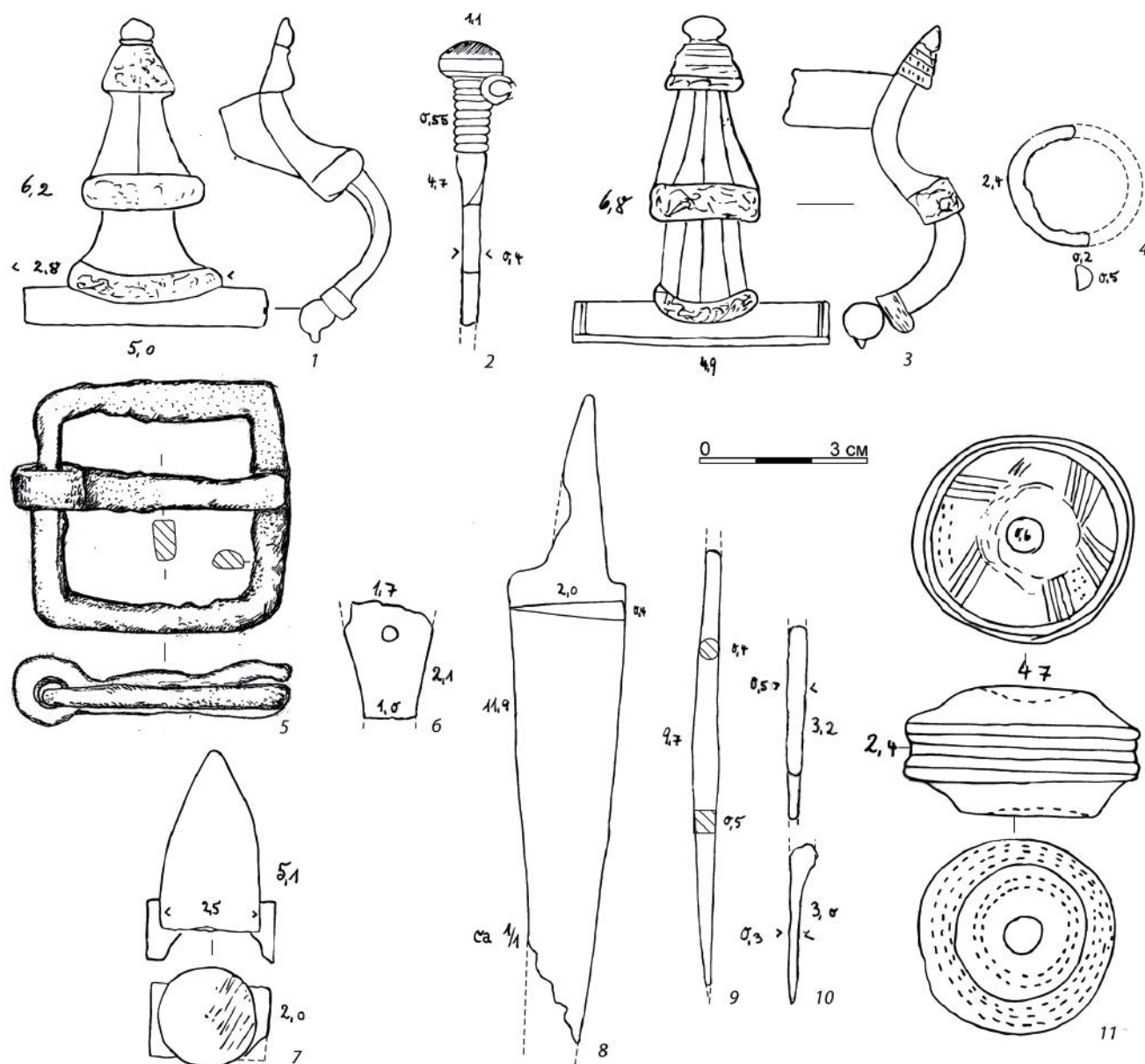

Рис. 3. Хрустальное/Wiekau I, погребение 28 (XXVIII) (1–4, 6–11 – по архиву Г. Янкуна в прорисовке Р. Гренца, 5 – рис. О. Хомяковой по фондам SMB-PK MVF).

Fig. 3. Khrustalnoye/Wiekau I, burial 28 (XXVIII)

металлических подвесок в составе ожерелий. Определимые в антропологическом отношении погребения с “чистыми” фемининными признаками и богатым инвентарем включают погребения как взрослых женщин, так и детей и подростков. Аналогичные половозрастные характеристики присущи погребениям с нейтральными признаками и меньшим количеством инвентаря поздних фаз эпохи римских влияний и начала Великого переселения народов. Все погребения, в которых пряслице являлось единственным предметом инвентаря, по данным антропологии – женские, детские,

или погребения женщины с ребенком. Эти тенденции относятся к погребениям от наиболее ранних в материалах судавской культуры до погребений начала фазы D1.

Структура признаков фемининной группы погребений самбийско-натангийской культуры наибольшее сходство находит в древностях вельбаркской культуры (рис. 1, 5). По данным анализа погребений могильников Любовидз, Цецеле, Прущ Гданьски 10, Гжебница, Ульковы и Веклице с антропологическими определениями (Wołagiewicz, 1995; Jaskanis,

1996; Piertzak, 1997; Nahuła, Wołagiewicz, 2001; Tuszyńska, 2005; Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011), с начала любовидзской фазы ее центральными признаками являются: сочетание пряслиц и/или деталей веретен (1) с ожерельями из стеклянных (3) и янтарных (7) бус и подвесок (4), далее — двух и более фибул (5). Следующее место в иерархии занимают браслеты (2) и “престижные” предметы (преимущественно детали шкатулок и ключей) (22). Далее — детали поясных наборов (8, 11, 14), булавы (18) и предметы домашнего производства (иглы) (13). Антропологический пол погребений с “чистыми” признаками фемининной группы (1, 3, 4, 7) — всегда женский, возраст соответствует группам *juvenis*, *adultus*, *maturus*.

Фемининно-нейтральные комплексы, характеризующиеся одной фибулой (5), пряслицем (1), единичными стеклянными и янтарными бусами (3, 7), в вельбаркской культуре могли принадлежать взрослым женщинам или детям. В этой группе также могут встречаться погребения, антропологически принадлежащие взрослым мужчинам — они содержат единичное пряслице, предметы вооружения в них отсутствуют, но всегда находится одна фибула, единичные стеклянные и янтарные бусы.

Сочетание одной—трех фибул, двух браслетов, ожерелья из бус и поясного набора с пряжкой на протяжении фаз В1–D является основой женского убора вельбаркской культуры (Tempelmann-Mączynska, 1989. S. 65–77). Уже на фазе A3 на территории зон А и D вельбаркской культуры формируется набор, включающий две-три фибулы (5), предметы домашнего производства (13), пряслице (1) (например, Wołagiewicz, 1995. Taf. XVII, 3–5, XXXI, 1–7; Piertzak, 1997. Taf. XXXII, XXXVII). Чуть позже, на рубеже фаз A3 и В1 к ним добавляются парные браслеты (2), подвески (преимущественно S-видные держатели ожерелий) (4), ожерелья из стеклянных (3) и янтарных (7) бус (напр., Tuszyńska, 2005. Taf. IV, XXIV; Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. Taf. XXIV, 1–4; XXVIII). Антропологически эти погребения принадлежат женщинам групп *juvenis*, *adultus*, *maturus*.

Такой “архаичный” набор без ожерелий из стеклянных бус характерен и для наиболее ранних фемининных погребений рубежа фаз В1 и В2 самбийско-натангийской культуры. Однако, в отличие от вельбаркских, в него входят категории, связанные с метал-

лическим головным убором (23), и гривны (6), которые находят близкие аналогии рубежа предримского и римского периодов в древностях о-вов Балтийского моря (подробно: Khomiakova, 2015). В древностях же о-вов Балтийского моря рубежа фаз A3 и В1 в качестве признаков женских захоронений выделяются сочетание поясного крючка, одной-двух фибул, пряслица и редких бус. Набор, включающий две-три фибулы, S-видные держатели ожерелий, бусы, пряслица, иглы и детали головных уборов, появляется в материалах погребений о-ва Борнхольм также на рубеже фаз В1 и В2 (Rasmussen, 2010. P. 20–26). Устойчивое скандинавское влияние на женский убор самбийско-натангийской культуры прослеживается на всем протяжении ее существования. В целом, набор женского инвентаря самбийско-натангийской культуры до наиболее поздних фаз D2–D3 близок вельбаркскому.

Фемининная группа погребений раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. Исследование особенностей распределения инвентаря в погребениях Великого переселения народов и раннего Средневековья в половозрастных группах по данным антропологии (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. P. 273–275) не дало четких результатов. Оно показало, что одни и те же признаки могут характеризовать погребения разных половозрастных групп. В разных группах встречаются и схожие модели убора. В женских захоронениях отмечается наличие “мужских” признаков (Казанский и др., 2018. С. 29, 30, 34–36; Рис. 31).

При выделении индикаторов социального пола следует разделять комплексы позднего этапа самбийско-натангийской культуры (фазы D) и раннесредневековой культуры пруссов (фазы E–F). По археологическим данным, самбийско-натангийские погребения фемининной группы фаз D1–D3, в целом сохраняют структуру признаков, характерную для более раннего периода (рис. 1, 2). Признаками “женских” захоронений остаются пряслица (1), несколько бус (3), одна-две подвески (4) и янтарные бусины (7), одна-две фибулы (5). Присутствуют кольца (9), поясные наборы с пряжками (14) и наконечниками ремней (11). Традиции середины — второй половины III в. (периода наибольшего расцвета самбийско-натангийской культуры) сохраняются в погребениях фазы C2–D (Хомякова, 2012. С. 262, 263).

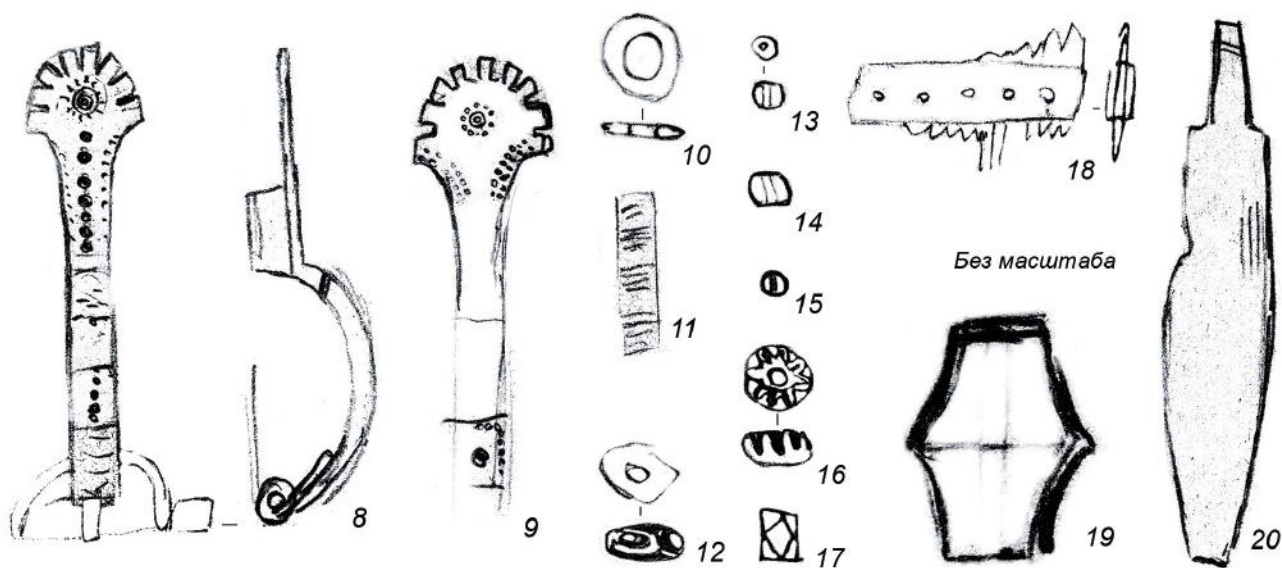
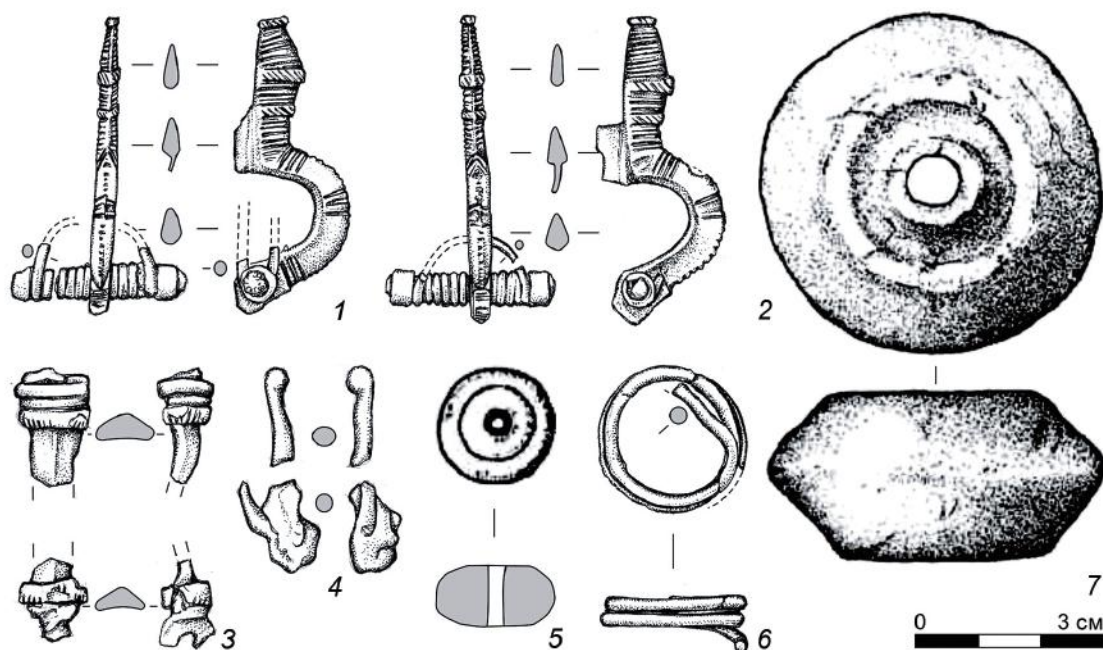

Рис. 4. Большое Исаково/Lauth, погребение 165 (1–7) и Коврово/Dollkeim, погребение 162 (8–20) (1–7 – по Khomiakova, 2011. Fig. 1; 8–12 – по Prassolow, 2018. Taf. 22, с изменениями).

Fig. 4. Bolshoe Isakovo/Lauth, burial 165 (1–7) and Kovrovo/Dollkeim, burial 162 (8–20)

Однако отмечается и тенденция “размывания” групп мужских и женских погребений с “чистыми” маркерами археологического пола, связанная с нестабильностью социальных структур в эпоху Великого переселения народов. Уже в “наиболее поздних” погребениях римского периода и в начале Великого переселения народов (фазах С3 и D1) увеличивается количество погребений фемининно-нейтральной

группы. Количество категорий и предметов инвентаря в них меньше (рис. 4, 1–7). Из состава “чистых” фемининных признаков исчезают браслеты (2), которые теперь встречаются исключительно по одному. Шейные гривны (6), напротив, демонстрируют большую близость к “женским” признакам – пряслицам, бусам и подвескам. В группе “мужских” погребений фазы D1–D2 и D3 с ножами-кинжалами

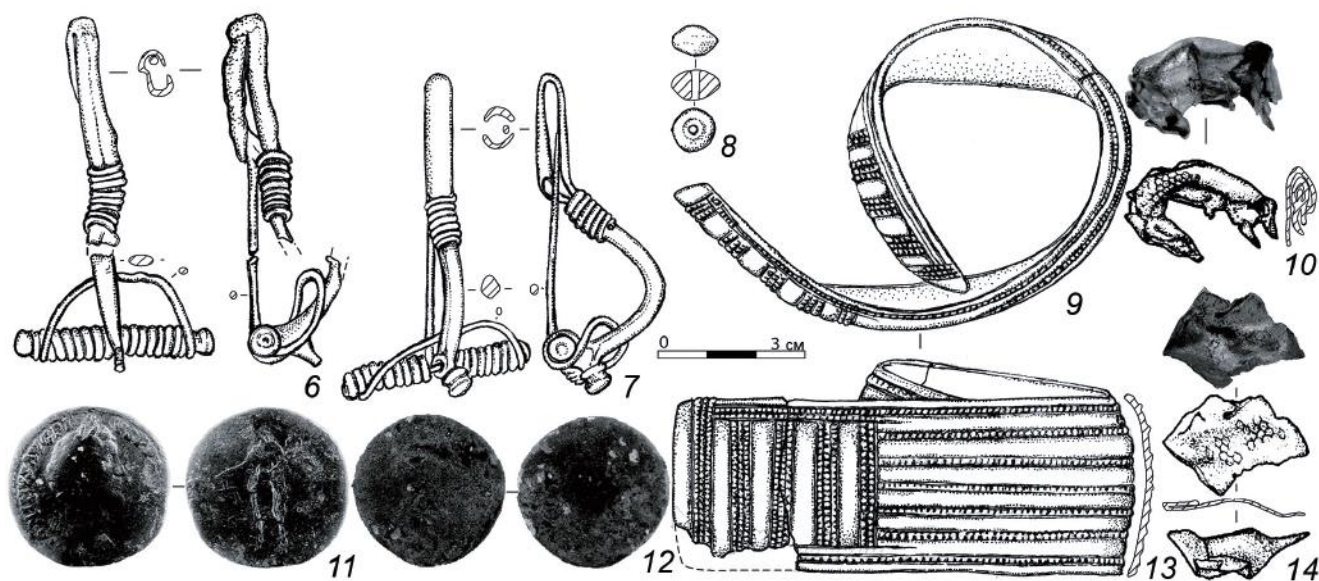
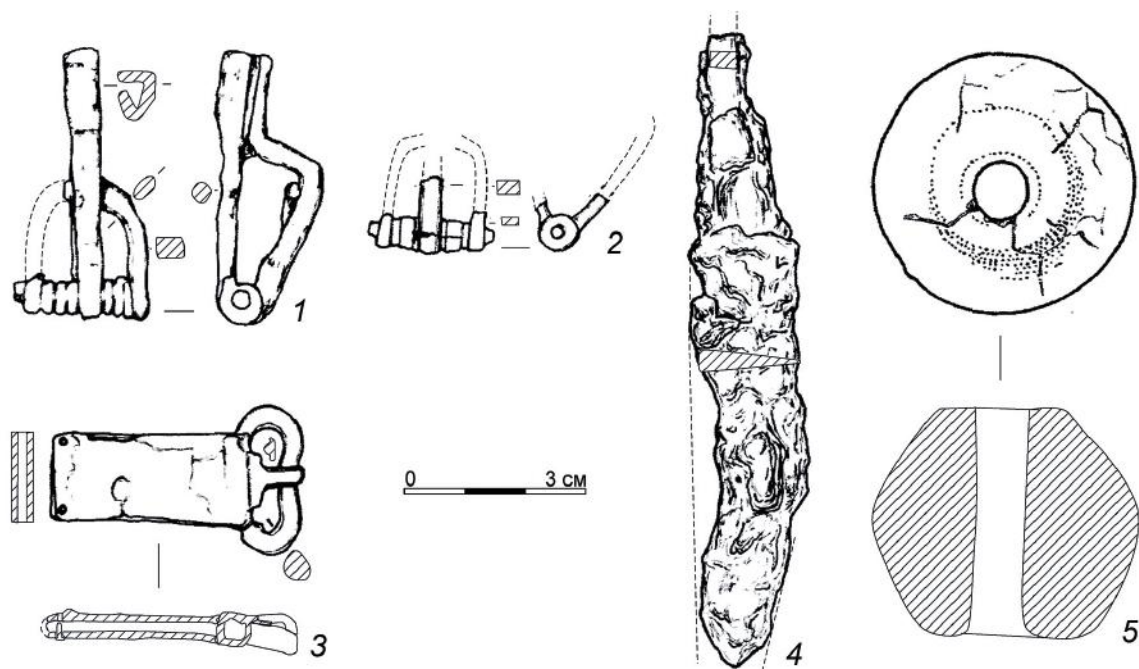

Рис. 5. Митино, погребение 273 (1–5) и Московское 1, погребение 6 (1–5 – по Скворцов, 2010. Таб. CDXVII–CDXIX, с изменениями, рис. О. Хомяковой; 6–14 – по Khomiakova, 2017. Fig. 4, с изменениями).

Fig. 5. Mitino, burial 273 (1–5) and Moskovskoye 1, burial 6 (6–14)

выделяется ряд комплексов, близких к нейтральной группе (рис. 4, 8–20). В них содержатся признаки как маскулинной, так и фемининной группы (Prassolow, 2018. S. 142–145, Tabl. VI). В свою очередь, погребения фемининной группы содержат кухонные ножи (13), по своим параметрам близкие “миниатюрным ножам-кинжалам” (тип 2b: Prassolow, 2018. S. 104,

Abb. 33). Похожие тенденции характерны и для других культур Западной Европы: “мужские” и “женские” признаки часто смешаны и характеризуются не как “чистые”, а как признаки “по тенденции” (Brather, 2004. S. 505–506).

Изменения в погребальном инвентаре, археологическом уборе, выражении социальных ролей отчетливо фиксируются в конце

V — начале VI в., когда происходит трансформация самбийско-натангийской культуры в раннесредневековую культуру пруссов.

К признакам женских погребений ранне-средневековой культуры пруссов с VI в. по данным археологии В.И. Кулаковым отнесены парные фибулы и гривна (2003. С. 31–34) — вариант набора, представленный на могильнике Коврово/Dollkeim (Кулаков, 2007. С. 16, 17, 20). Однако представляется, что количество признаков фемининной группы было несколько большим (рис. 1, 3, 3a).

Женские погребения VI–VIII вв. (не ранее фазы E1) содержат максимум 6–7 категорий инвентаря (для позднеримского периода эта цифра составляет 9–11 категорий). Из числа признаков фемининной группы исчезает набор, связанный с традицией убора эпохи римских влияний, — браслеты (2), многочисленные стеклянные бусы (3) и подвески (4). Отсутствуют кольца (9) и поясные наборы из нескольких элементов (8). Погребения не содержат элементов инвентаря, в римское время и начале Великого переселения народов связанных с возможным отображением социального статуса (10, 19, 22).

С обеднением инвентаря главным символом принадлежности к фемининной группе, вероятно, остается пряслице (1). Обычай выражать фемининность при помощи пряслица у западных балтов, вероятно, сохраняется с римского времени как один из пережитков провинциально-римского влияния. Погребения, в которых было выявлено только пряслице (если антропологически они определимы), могли принадлежать не только женщинам, но и детям (фемининно-нейтральной группе). Набор признаков фемининной группы включает преимущественно две фибулы (5), пояс с пряжкой (14), гривну (6) и до нескольких янтарных бус (7). Их характеризуют предметы домашнего производства (13), преимущественно кухонные ножи. Антропологически такие погребения принадлежат взрослым женщинам (рис. 5, 1–5).

Этот набор отличается от выделяемых на основе антропологического анализа признаков погребений взрослых женщин — пряслица, трех фибул и булавки (Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Fig. 2, C). Если погребения с тремя фибулами (см. Кулаков, 2007. С. 16–17. Рис. 54) могут встречаться в составе фемининной группы с пряслицами, то погребения с булавками (18) находятся за ее пределами

(рис. 1, 3a). Пряслице в них всегда отсутствует, не встречаются фибулы (5) (редко одна), редки единичные янтарные бусы (7). Для таких погребений более всего характерно сочетание нейтральных и маскулинных признаков — пояса с пряжкой (14), предметов домашнего производства — кухонных ножей (13) и конского захоронения (17). Антропологически это могут быть как взрослые женщины, так и дети. Однако археологический, социальный пол их ближе к маскулинной группе. Феномен женских захоронений, сопровождаемых конскими погребениями, известен не только у пруссов. В аналогичной период они известны в материалах ольштынской группы; в западно-литовских погребениях с пряслицами, антропологически женских, могут присутствовать как элементы вооружения, так и конские захоронения (Banytė-Rowell, 2014. P. 128–132, Tabl. 8). Такие погребения в эпоху раннего Средневековья известны и на других прибалтийских территориях, включая финский ареал (Magi, 2018. P. 82–90). Конское снаряжение находят вместе с предметами женской субкультуры и в составе восточноевропейских кладов I группы VII в. на территории Поднепровья (Rodinkova, 2018, Tabl. I; Fig. 2). Это в большей степени может быть объяснено социальными изменениями, а не данными антропологии. Женские погребения, которые характеризуются мужским инвентарем, присутствуют во многих культурах древности; этот феномен связан с символическим отображением роли воина лидера в традиционном обществе, его более высокого статуса (Jordan, 2009. P. 95–103; там же литература). В эпохи римских влияний и Великого переселения народов богатый погребальный инвентарь женских погребений, вероятно, в большей степени отражал положение семьи/клана и его богатства. В период раннего Средневековья наличие маскулинных признаков выражало более высокий личный статус и символическую роль воина (т.е. престиж, власть). Случаи, когда в погребении с пряслищем мог быть погребен взрослый мужчина (например, Скворцов, 2010. С. 67–68), как указано выше, встречаются и в более ранний период и могут не только объясняться социальной ролью, но и быть дарами умершим.

Выводы. Формирование набора признаков погребений фемининной группы у западных балтов происходит вместе с другими изменениями в материальной культуре и процессом формирования самбийско-натангийской

культуры как одно из проявлений провинциально-римского влияния. Главную роль в определении фемининности погребения играют признаки, связанные с археологическим женским убором. Сложившийся на рубеже I–II вв. набор признаков характеризует фемининные погребения до конца эпохи Великого переселения народов, демонстрируя близость материалам соседних центрально-европейских культур, главным образом вельбаркской, и погребений о-вов Балтийского моря.

Антропологически в материалах вельбаркской культуры фемининную группу составляют погребения молодых и взрослых женщин (*juvenis, adultus, maturus*), определяемые фемининно-нейтральные погребения принадлежат детям и подросткам (*infans I–II*). При отсутствии антропологического источника самбийско-натангийские погребения во многом могут быть интерпретированы аналогично. Корректировка половозрастного состава социально-гендерных групп затем может быть получена путем создания контрольной выборки.

Самбийско-натангийские погребальные древности, связанные с женской субкультурой, вероятно, являются частью массива центрально-европейских погребений, соответствующих социально-возрастной группе, выражающей статус женщины-жены/матери. Биологический возраст в таком случае может быть от 12–13 до 50–55 лет. Несмотря на другую структуру набора признаков и отличия в археологическом уборе, схожие данные дают фемининные погребения судабской культуры, а также не рассматриваемые в данной статье погребения Западной Литвы и Нижнего Понеманья (см., например, Kačkutė, 2014. Р. 47–49).

Подобно культурам Северной и Центральной Европы количество инвентаря и богатство убора в самбийско-натангийских погребениях было связано больше с социальной, чем с возрастной ролью, а также с социальным положением в пределах родовой группы (клана, семьи). Выделяемые в пределах фемининной группы погребения с “более богатым” инвентарем и убором принадлежат членам семей, занимавших более высокое положение. Такие группы выделяются на всех фазах существования самбийско-натангийской культуры (рис. 2; 5, 6–14).

Европейский варварский женский убор эпохи римских влияний являлся убором для “особого случая” (свадебным, погребальным).

Это, вероятно, применимо и к самбийско-натангийской культуре. Через “богатство” убора в северо- и центральноевропейских культурах выражались положение семьи и личный статус в семейной иерархии (Baye, Lund Hansen, 2011. Р. 202, 203). “Особый» убор”, таким образом, соответствующий статусу жены/хозяйки, мог сопровождать и детские погребения. В материалах вельбаркской культуры известны погребения детей старшей (2–3 года) группы *infans I* с убором взрослой женщины (например, Jaskanis, 1996. S. 21, Taf. XI). Такая традиция присутствовала на могильниках “богатых” семей с о-вов Балтийского моря, где погребения девочек наиболее старшей группы *infans II* сопровождался убором замужней женщины (Rasmussen, 2010. Р. 89). Все это, вероятно, характерно и для самбийско-натангийских могильников. Примером является погребение 6 могильника Московское 1 (Khomiakova, 2017. Р. 70–72, Fig. 4), антропологически детское (*infans II*⁵). В нем содержался убор взрослой женщины с украшениями, указывающими на участие в межкультурных контактах (рис. 5, 6–14).

Изменение набора фемининных признаков и женского убора фиксируется с начала фазы Е, являясь одним из признаков формирования раннесредневековой культуры пруссов. Но несмотря на социокультурные изменения, фемининную группу в VI–VIII вв. также составляют погребения женщин возрастных групп *juvenis, adultus, maturus*.

Структура признаков фемининной группы самбийско-натангийской культуры I–V вв. и археологический убор, таким образом, вероятно, являются одним из отражений социальной структуры вождества (синоним – *чифдом*) в его начальной стадии развития, в которой среди родовых коллективов особо выделялись осуществлявшие военные и торговые контакты (так называемые региональные элиты), и феномена провинциально-римского влияния. Эта традиция, вероятно, прекращается в конце эпохи Великого переселения народов, на рубеже V–VI вв. с культурными и социальными переменами, изменением характера связей с населением Эльблонгской возвышенности и интенсивного межкультурного обмена, с трансформацией (и/или крахом) социальных структур в Южной Скандинавии и на Датских о-вах Балтийского моря (Nowakowski,

⁵ Антропологическое определение сделано М.В. Добровольской.

1996. S. 99, 100; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 22; Ethelberg, 2011. P. 67–73). Социальная структура местного общества, основанная на “степени богатства” отдельных коллективов и уровне вовлеченности в процессы обмена, претерпевает изменения. Набор признаков фемининной группы раннесредневековой культуры пруссов более не содержит индикаторов, отражающих богатство семьи-клана, а символизирует лишь статус женщины-жены, матери (рис. 5, 1–5). В то же время женские погребения могут содержать индикаторы более высокого личного статуса — маскулинные признаки (вооружение, конское снаряжение, конские захоронения), связанные с формирующейся структурой развитого вожества.

Приложение

Список признаков социального пола (гендера): 1) пряслица; 2) браслеты; 3) стеклянные бусы; 4) подвески, пронизи; 5) фибулы; 6) гривны; 7) янтарные бусы; 8) детали поясов; 9) кольца; 10) монеты; 11) наконечники ремней; 12) точильные камни и огнива; 13) предметы домашнего производства (ножи, шилья); 14) пряжки; 15) сосуды⁶; 16) вооружение и снаряжение всадника (шпоры); 17) конское снаряжение; 18) булавки; 19) янтарь-сырец; 20) нагрудные цепи; 21) предметы туалета; 22) предметы престижа (вкл. ларцы, ключи); 23) детали головных уборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Г. Янкуна: Научный архив Герберта Янкуна // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig.
- Гопкало О.В. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum Plus. 2011. № 4. С. 1–20.
- Казанский М.М., Зальцман Э.Б., Скворцов К.Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22). 312 с.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // РА. 2017. № 3. С. 28–45.
- ⁶ При итоговом анализе исключены, так как не являются определителем гендера.
- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003 (Prussia Antiqua; т. 1). 402 с.
- Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н.э. // Stratum plus. 2005. № 4 (2003–2004). С. 278–382.
- Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.
- Магомедов Б.В. Керамические пряслица черняховской культуры. Киев: ИА НАН Украины, 2015. 170 с.
- Мастыкова А.В., Добровольская М.В. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангийской культуры // Археология Балтийского региона / Ред.: Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 74–79.
- Мастыкова А.В., Добровольская М.В. Изучение кремаций римского времени на Самбийском полуострове (Калининградская область) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 675–676.
- Мастыкова А.В., Добровольская М.В., Юганов К.Л. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 28–56.
- Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2010 (Материалы охраняемых археологических раскопок; т. 15). 806 с.
- Хомякова О.А. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода Римского влияния I–IV вв. н.э. (Анализ компонентов и хронология): дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2809–2810. 2012а. 715 с.
- Хомякова О.А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: сб. ст. / Ред.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2012б. С. 255–280.
- Хомякова О.А. Вопросы социальной интерпретации погребений с “самбийскими” поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм–Коврово // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 33–49.
- Alberti B. Bodies in Prehistory: Beyond the Sex/Gender Split // Global Archaeological Theory. Contextual Voices and Contemporary Thoughts / Eds.: P.P. Funari, A. Zarankin, E. Stovel. Boston: Springer US, 2005. P. 107–120.

- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C.* Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts // *Archaeologia Baltica*. 2012. V. 18. P. 192–220.
- Banytė-Rowell R.* Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? // *Lietuvos Archeologija*. 2014. T. 40. P. 99–138.
- Baye L., Lund Hansen U.* The Dynasty? Society and Social Structures of Late Roman Iron Age // *Det 61. Internationale Sachsensymposium 2010, Haderslev, Danmark / Ed. L. Baye. Neumünster: Wachholtz, 2011 (Arkæologi i Slesvig = Archäologie in Schleswig; Sonderband). P. 199–210.*
- Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-west connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warsaw: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 p.
- Bitner-Wróblewska A.* Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2007 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. XII). 325 s.
- Brather S.* Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004 (*Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände*; № 42). 807 p.
- Brather S.* Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // *Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 237–273.*
- Ethelberg P.* Early state formation in Southern Scandinavia // *The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives / Ed. L. Boye. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, 2011 (Nordiske fortidsminder. Serie C; v. 8). P. 67–75.*
- Gopkalo O.* Male and female dress accessories in the Chernyakhiv culture // *Ukrainian Archaeology*. 2011. P. 65–80.
- Gosden C.* Anthropology and Archaeology: A Changing Relationship. Oxford: Psychology Press, 1999. 228 p.
- Hahula K., Wolągiewicz R.* Grzybnica: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur mit Steinkreisen in Pommern. Warszawa; Koszalin: Muzeum w Koszalinie, 2001 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. VIII). 184 S.
- Jaskanis J.* Cecele: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków: Secesja, 1996 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. II). 226 S.
- Jaskanis J.* Szwajcaria: Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie, 2013. 325 s.
- Jordan A.* I am no man: a study of warrior women in the Archaeological Record // *Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology*. 2009. 1 (1). P. 94–111.
- Kačkutė R.* Romėniškojo Laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno Žemupio Gyventojų Socialinių Santykių Analizė Kapinynų Medžiagos Pagrindu // *Lietuvos archeologija*. 2014. T. 40. P. 43–72.
- Khomiakova O.* The crossbow animal-headed brooches from grave 165 of the Sambian-Natangian culture burial ground at Bol'shoe isakovo (formerly Lauth) // *Archaeologia Baltica*. 2011. V. 14. P. 230–235.
- Khomiakova O.* Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD // *Archaeologia Baltica*. 2015. V. 21–22. P. 14–40.
- Khomiakova O.* The origins of cuff bracelets in West Balt cultures (according to data from Sambian-Natangian culture cemeteries) // *Lietuvos Archeologia*. 2017. T. 43. P. 63–85.
- Kurila L.* Vaiko statusas Rytų Lietuvoje geležies amžiuje // *Archaeologia Litwana*. 2007. T. 8. P. 97–116.
- Kurila L.* Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė // *Lietuvos Archeologija*. 2009. T. 35. P. 153–192.
- Magi M.* In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill, 2018 (*The Northern World*; v. 84). 544 p.
- Mastykova A., Dobrovolskaia M.* Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds: I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 272–281.*
- Natuniewicz-Sekula M., Skóra K.* Selected children's burials from the Wielbark culture cemetery at Wekllice, Site 7, Elbląg commune, warmińsko-mazurskie voivodeship // *Archaeologia Polona*. 2016. Vol. 51/52 (2013/2014). P. 43–81.
- Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J.* Wekllice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2011 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. XVII). 431 p.
- Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 1996 (Veröffentlichungen

- des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10). 169 p.
- Pasztókai-Szeöke J.* "The mother shrinks, the child grows. What is it?" The evidence of spinning implements in funerary context from the Roman province of Pannonia // *Mujer y Vestimenta: Aspectos De La Identidad Femenina En La Antigüedad* / Eds: A. Giner, M.J. Martinez Garcia, J. Ortiz. Valencia: Publicacions De La Universitat De València, 2011. P. 125–141.
- Piertzak M.* Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 1997 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. IV). 268 s.
- Prassolow J.* Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Neumünster: Wachholtz-Verlag: Murmann publishers, 2018 (*Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete*; Bd. 15). 548 s.
- Rasmussen B.* Slusegårdgravpladsen V: Fundoversigt og genstandstyper. Aarhus: Aarhus Universitet, 2010 (*Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter*; XIV). 444 s.
- Rodinkova V.* Early Slavic Hoards of the Dnieper Region (on the nature and the historical significance of the phenomenon) // *Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* / Red. B. Nezabitowska-Wisniewska et al. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2018 (*Studia Barbarica*; t. I). S. 670–679.
- Skvortsov K.N.* The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // *Archaeologia Baltica*. 2012. V. 18. P. 167–191.
- Tempelmann-Mączynska M.* Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität, 1989. 177 S.
- Tempelmann-Mączynska M.* Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich // *Wiadomości Archeologiczne*. 1983. T. XLVIII. Z. 1. S. 3–19.
- Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder III // *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft*. 1879. Bd. 19. S. 159–268.
- Trémeaud C.* Great Women? The emergence of female in elite's graves in the Celtic World (Late Bronze Age – La Tène B) // *Frauen an der Macht?: Neue interdisziplinäre Ansätze zur Frauen- und Geschlechterforschung für die Eisenzeit Mitteleuropas*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2017 (*Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*; Bd. 299). P. 41–57.
- Tuszyńska M.* Ulkowy. Cmentarzysko kultury wielbarskiej na Pomorzu Gdańskim. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 2005. 176 s.
- Webb T.* Personal Ornamentation as an Indicator of Cultural Diversity in the Roman North. Oxford: Archaeopress, 2011 (*BAR British Series*; vol. 547). 217 p.
- Wołagiewicz R.* Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3 Jhs. n. Chr. Kraków: Secesja, 1995 (*Monumenta Archaeologica Barbarica*; t. I). 124 p.

FEMALE BURIALS OF THE SOUTH-EAST BALTICS OF THE 1st–8th CENTURIES

Olga A. Khomyakova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: olga.homiakova@gmail.com

The paper considers problems associated with the characterization of female burials in the South-East Baltics in the case when there is no anthropological source. Based on the materials of the Sambian-Natangian and early medieval cultures of the Prussians, archaeological markers of the social gender are distinguished, which can be compared with the data of burials allowing for the determination of biological sex and age.

Keywords: anthropological gender, social gender, gender, women's attire, the period of Roman influence, the Migration Period, the early Middle Ages, the Baltic states, the Sambian-Natangian culture, the early medieval Prussian culture.

REFERENCES

- Alberti B., 2005. Bodies in Prehistory: Beyond the Sex/Gender Split. *Global Archaeological Theory. Contextual Voices and Contemporary Thoughts*. P.P. Funari, A. Zarankin, E. Stovel, eds. Boston: Springer US, pp. 107–120.
- Arkhiv G. Yankuna: Nauchnyy arkhiv Gerberta Yankuna [H. Jankuhn archive – scientific archive of Herbert Jankuhn]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig*.
- Banytė-Rowell R., 2014. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? *Lietuvos Archeologija*, 40, pp. 99–138.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C., 2012. Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts. *Archaeologia Baltica*, 18, pp. 192–220.
- Baye L., Lund Hansen U., 2011. The Dynasty? Society and Social Structures of Late Roman Iron Age. *Det 61. Internationale Sachsensymposium 2010*, Haderslev, Danmark. L. Baye, ed. Neumünster: Wachholtz, pp. 199–210. (Archäologie i Slesvig = Archäologie in Schleswig, Sonderband).
- Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland. East-west connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warsaw: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 256 p.
- Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 325 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, XII).
- Brather S., 2004. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 807 p. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände, 42).
- Brather S., 2008. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter. *Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen*. S. Brather, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 237–273.
- Ethelberg P., 2011. Early state formation in Southern Scandinavia. *The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives*. L. Boye, ed. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, pp. 67–75. (Nordiske fortidsminder. Serie C, 8).
- Gopkalo O., 2011. Male and female dress accessories in the Chernyakhiv culture. *Ukrainian Archaeology*, pp. 65–80.
- Gopkalo O.V., 2011. Male and female Chernyakhiv costume (based on burials with anthropological attributions). *Stratum Plus*, 4, pp. 1–20. (In Russ.)
- Gosden C., 1999. *Anthropology and Archaeology: A Changing Relationship*. Oxford: Psychology Press. 228 p.
- Hahula K., Wołgiewicz R., 2001. Grzybnica: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur mit Steinkreisen in Pommern. Warszawa; Koszalin: Muzeum w Koszalinie. 184 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, VIII).
- Jaskanis J., 1996. Cecele: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków: Secesja. 226 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, II).
- Jaskanis J., 2013. Szwajcaria: Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie. 325 p.
- Jordan A., 2009. I am no man: a study of warrior women in the Archaeological Record. *Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology*, 1(1), pp. 94–111.
- Kačkutė R., 2014. Romėniškojo Laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno Žemupio Gyventojų Socialinių Santykių Analizė Kapinynų Medžiagos Pagrindu. *Lietuvos archeologija*, 40, pp. 43–72.
- Kazanskiy M.M., Zal'tsman E.B., Skvortsov K.N., 2018. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [The early medieval cemetery of Zaostrovye-1 in Northern Sambia]. Moscow: IA RAN. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 22).
- Kazanskiy M.M., Mastykova A.V., Skvortsov K.N., 2017. Markers of social stratification among the bearers of the Sambian-Natangian culture in the early Middle Ages (the mid-5th–7th centuries AD). *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 3, pp. 28–45. (In Russ.)
- Khomiakova O., 2011. The crossbow animal-headed brooches from grave 165 of the Sambian-Natangian culture burial ground at Bol'shoe Isakovo (formerly Lauth). *Archaeologia Baltica*, 14, pp. 230–235.
- Khomiakova O., 2015. Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD. *Archaeologia Baltica*, 21–22, pp. 14–40.
- Khomiakova O., 2017. The origins of cuff bracelets in West Balt cultures (according to data from Sambian-Natangian culture cemeteries). *Lietuvos Archeologia*, 43, pp. 63–85.
- Khomyakova O.A., 2012a. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiysskoy kul'tury perioda Rimskogo vliyaniya I–IV vv. n.e. (Analiz komponentov i khronologiya): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Sambian-Natangian female attire of the Roman influence period of the 1st–4th centuries AD (analysis of components and chronology): a Doctoral thesis in History]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2, № 2809–2810. 715 p.
- Khomyakova O.A., 2012b. Chronology of the components of the Sambian-Natangian female attire.

- Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3: sbornik statey [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and the Migration periods. Conference 3: Collected papers].* A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 255–280. (In Russ.)
- Khomyakova O.A.*, 2016. Issues of the social interpretation of the burials with Samland belts of Roman period from the Dollkeim–Kovrovo culture region. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 243, pp. 33–49. (In Russ.)
- Kulakov V.I.*, 2003. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia until 1283]. Moscow: Indrik. 402 p. (Prussia Antiqua, 1).
- Kulakov V.I.*, 2005. Archaeological criteria of the social history of the Amber Coast in the 1st–6th centuries AD. *Stratum plus*, 4 (2003–2004), pp. 278–382. (In Russ.)
- Kulakov V.I.*, 2007. Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg. [Dollkeim–Kovrovo. Research of 1992–2002]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi. 335 p.
- Kurila L.*, 2007. Vaiko statusas Rytų Lietuvoje geležies amžiuje. *Archaeologia Lituana*, 8, pp. 97–116.
- Kurila L.*, 2009. Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė. *Lietuvos Archeologija*, 35, pp. 153–192.
- Magi M.*, 2018. In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill. 544 p. (The Northern World, 84).
- Magomedov B.V.*, 2015. Keramicheskiye pryaslitsa chernyakhovskoy kul'tury [Ceramic spindle whorls of the Chernyakhiv culture]. Kiyev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 170 p.
- Mastykova A., Dobrovol'skaya M.V.*, 2013. Grave Goods in the Cemeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts. *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 272–281.
- Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V.*, 2013. Palaeo-anthropological research and grave goods of the Sambian-Natangian culture. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of the Baltic region]*. N.A. Markarov, A.V. Mastykova, A.N. Khokhlov, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 74–79. (In Russ.)
- Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V.*, 2017. The study of cremations of the Roman period on the Sambian peninsula (Kaliningrad region). *V(XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s'yezd: sbornik nauchnykh trudov [V(XXI) All-Russian Archaeological Congress: Collected works]*. A.P. Derevyanko, ed. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 675–676. (In Russ.)
- Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V., Yuganov K.L.*, 2017. The Shlagalken-5 cemetery: Cultural and chronological continuity of the sites dated to the Roman period and the Migration period in the northern part of the Sambian Peninsula. *KSIA [Brief communications of the Institute of Archaeology]*, 246, pp. 28–56. (In Russ.)
- Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J.*, 2011. Wekllice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 431 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, XVII).
- Natuniewicz-Sekula M., Skóra K.*, 2016. Selected children's burials from the Wielbark culture cemetery at Wekllice, Site 7, Elbląg commune, warmińsko-mazurskie voivodeship. *Archaeologia Polona*, 51/52 (2013/2014), pp. 43–81.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p. (Veröffentlichungen des Vorgeschiedlichen Seminars Marburg, Sonderband 10).
- Pasztókai-Szeőke J.*, 2011. “The mother shrinks, the child grows. What is it?” The evidence of spinning implements in funerary context from the Roman province of Pannonia. *Mujer y Vestimenta: Aspectos De La Identidad Femenina En La Antigüedad*. A. Giner, M.J. Martinez Garcia, J. Ortiz, eds. Valencia: Publicacions De La Universitat De València, pp. 125–141.
- Piertzak M.*, 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. 268 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, IV).
- Prassolow J.*, 2018. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Neumünster: Wachholtz-Verlag: Murmann publishers. 548 p. (Studien zur Siedlungs-geschichte und Archäologie der Ostseegebiete, 15).
- Rasmussen B.*, 2010. Slusegårdgravpladsen V: Fundoversigt go genstandstyper. Aarhus: Aarhus Universitet. 444 p. (Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter, XIV).
- Rodinkova V.*, 2018. Early Slavic Hoards of the Dnieper Region (on the nature and the historical significance of the phenomenon). *Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. B. Nezabitowska-Wisniewska, ed. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 670–679. (Studia Barbarica, I).

- Skvortsov K.N.*, 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradsкая oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [The Mitino cemetery of the 5th–14th centuries (Kaliningrad Region): Research materials of 2008], 2. Moscow: IA RAN. 806 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh raskopok, 15).
- Skvorzov K.N.*, 2012. The Formation of a Sambian-Natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade. *Archaeologia Baltica*, 18, pp. 167–191.
- Tempelmann-Mączyńska M.*, 1983. Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich. *Wiadomości Archeologiczne*, vol. XLVIII, iss. 1, pp. 3–19.
- Tempelmann-Mączyńska M.*, 1989. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität. 177 p.
- Tischler O.*, 1879. Ostpreussische Gräberfelder III. *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft*, 19, pp. 159–268.
- Trémeaud C.*, 2017. Great Women? The emergence of female in elite's graves in the Celtic World (Late Bronze Age – La Tène B). *Frauen an der Macht?: Neue interdisziplinäre Ansätze zur Frauen- und Geschlechterforschung für die Eisenzeit Mitteleuropas*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, pp. 41–57. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 299).
- Tuszyńska M.*, 2005. Ulkowy. Cmentarzysko kultury wielbarskiej na Pomorzu Gdańskim. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne. 176 p.
- Webb T.*, 2011. Personal Ornamentation as an Indicator of Cultural Diversity in the Roman North. Oxford: Archaeopress. 217 p. (BAR British Series, 547).
- Wołgiewicz R.*, 1995. Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3 Jhs. n. Chr. Kraków: Secesja. 124 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, I).